

УДК 94»04/15»
УДК 930.2

О. А. Серкова

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЗОВ ЖЕНЩИН-ВОИНОВ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГЕРОИЧЕСКИХ ЭПОПЕЯХ ГЕРМАНИИ И ЯПОНИИ

Представлено сравнение образов женщины-воина, встречающихся в средневековых произведениях «Повесть о доме Тайра» и «Песнь о Нибелунгах». Рассматриваются различные версии возникновения образа женщины-воина. Присутствует описание исследуемых источников и обоснование их выбора для данной темы. Выявляются сходства и различия образов, встречающихся в источниках, осуществляется попытка установить причины обнаруженных сходств и различий и проанализировать их. Совершается попытка рассмотреть образ женщины-воина с культурно-исторической, психологической, гендерной и социальной сторон.

Ключевые слова: *сравнительно-исторический анализ, средневековая литература, героическая эпопея, женщина-воин, Япония, Германия.*

Нестандартные, выходящие за рамки нормы и традиции, модели поведения и роли женщин всегда вызывали в людях интерес. Особое любопытство неизменно вызывали рассказы о женщинах-воинах: сильных и независимых, которые в глубокой древности могли считаться равными мужчинам. Подобные будоражащие фантазию сюжеты встречались в мифах и легендах, эпосе и художественной литературе, изобразительном искусстве и теперь в кино. Такие сюжеты исследователи находят практически повсеместно на протяжении истории человечества от древности до современности.

Распространенность рассказов о женщинах-воинах в мировой литературе обусловила большое внимание исследователей, в особенности фольклористов и историков, к данной теме. Однако некоторые важные вопросы в историографии остаются открытыми, а также существует целый ряд неизученных отдельных проблем. Так, открытым остается вопрос о происхождении данного женского образа и его трансформации: на данный момент нет какой-либо общепринятой версии возникновения образа женщины-воина. В данной статье будут рассмотрены и сопоставлены некоторые из них. Также в историографии данной темы практически отсутствует изучение образа женщины-воина как часть комплексного исторического анализа общества: образ женщины-воина в мифах и мировой литературе различается деталями и трансформируется, отражая цивилизационную специфику обществ, их структуру и ментальность, а следовательно, можно изучать данный образ в качестве элемента при создании объемной историко-культурной реконструкции обществ. Одним из актуальнейших методологических и историографических направлений современной исторической науки являются сравнительно-исторические исследования, позволяющие более глубоко разобраться в природе анализируемых исторических феноменов. Исследование образа женщины-воина в сравнительно-историческом ключе может помочь прояснить цивили-

зационную специфику обществ. Особенности образа женщины-воина можно рассматривать с культурно-исторической, психологической, гендерной и социальной стороны, что дает целый комплекс информации. С другой стороны, общие черты в мифологическом и литературном образе женщины-воина могут быть полезны в изучении истории возникновения данного образа.

В данной статье рассматриваются и сравниваются образы женщин-воинов в двух средневековых героических эпопеях: «Повести о доме Тайра» и «Песни о Нибелунгах». Автор данной статьи обращается к компаративному анализу, поскольку образы женщин-воинов в средневековых героических эпопеях не исследовались с целью выявления их общих черт и особенностей в отечественной и зарубежной историографии. Однако такая потребность существует. Актуальными остаются вопросы: вписывалась ли такая модель женского поведения в норму и традицию средневекового японского и германского общества? соотносилось ли данное явление с сугубо мужскими кодексами чести самурайского и рыцарского сословий? если да, то как? где найти истоки явления «женщины-воина», встречающегося в литературе? Попробуем ответить на эти вопросы, а также попытаемся разобраться в различиях этого явления в средневековой литературе Японии и Германии на примере героических эпопей «Повесть о доме Тайра» и «Песнь о Нибелунгах».

Данные источники были выбраны не случайно. «Повесть о доме Тайра» и «Песнь о Нибелунгах», как и любое эпическое произведение, являются отражением среды, в которой были написаны, ее реалий и культуры. Специфический же характер произведений обуславливается тем, что оба источника – это уже не совсем народная литература, а во многом литература военных сословий самураев и рыцарей [1]. Эти переходные процессы в литературе тесно связаны с развитием отношений феодальной зависимости в Японии IX–XIV вв. и Германии IV–

XIII вв. Следовательно, оба произведения отражают этап образования и накопления тех моральных и поведенческих норм, которые позже сформировали бусидо и рыцарский кодекс. Гендерные стереотипы, представленные в литературе, могут свидетельствовать о нормах социального поведения в том или ином обществе. Автор литературного произведения при подобном анализе выступает в роли транслятора социальных стереотипов, традиций и практик. Проанализировав литературные образы, можно попытаться связать их с культурными особенностями, менталитетом и психологическими установками общества, породившего данную литературу. Эпическая литература рыцарей и самураев, как литература, декларирующая сословные ценности, подходит для подобного анализа по ряду причин. Генетически-фольклорный эпос, в силу связи с фольклором и сказительным искусством, сохраняет, с одной стороны, традиционные сюжеты и эпическую форму, а с другой стороны, идеологизируется и очень чутко реагирует на обстоятельства, условия и идеалы времени его создания [1]. Следует отметить, что в средневековых сословных героических эпопеях представлен идеальный вариант ценностей, который далеко не всегда реализовывался в действительности. Тем не менее именно эпос как жанр максимально подвержен влияниям исторической идеологии, легко реагирует на нее и мимикрирует: эпическая традиция позволяет легко вплести новые качества героев и ценности своего времени и своей среды в полотно уже знакомых героических сюжетов и персонажей. Так, анализ художественных произведений может помочь в выявлении и исследовании ценностей общества, социальных стереотипов и идеалов поведения. Именно они и будут в центре анализа таких источников, как «Повесть о доме Тайра» и «Песнь о Нибелунгах». В изучаемых средневековых героических эпопеях образ женщины-воительницы выделяется на фоне остальных женских персонажей, представляющих роли, типичные для японских и германских женщин раннего Средневековья. Однако тем интереснее и рельефнее выступают цивилизационная специфика, особенности менталитета и различия в психологии, не связанные напрямую с привычными гендерными моделями.

В рассматриваемых источниках образ девы-воительницы представлен двумя персонажами: Томоэ («Повесть о доме Тайра») и Брюнхильда («Песнь о Нибелунгах»). Обе они занимают высокое социальное положение, хороши собой и обладают недюжинной физической силой. Такой предстает в тексте «Песни» Брюнхильда:

«Царила королева на острове морском,
Была она прекрасна и телом, и лицом,
Но женщины сильнее не видел мир досель.

Она могла, метнув копье, насквозь пробить им цель.

И, бросив тяжкий камень, прыжком его догнать.
В трех состязаньях с нею был верх обязан взять
Любой, кто к королеве посвататься решался,
Но, проиграв хотя б одно, он головы лишался.
Вот так она сгубила немало удалцов.
Узнали и на Рейне о ней в конце концов,
И славный вормский витязь о деве возмечтал.

Союз их брачный роковым потом для многих стал» [2, АVENTЮРА VI].

А такой описывают Томоэ в «Повести о доме Тайра»: «Ёсинака привез с собой из Кисо двух красавиц – Ямабуки и Томоэ. Но Ямабуки захворала и теперь осталась в столице. Особенно хороша была Томоэ – белолица, с длинными волосами, писаная красавица! Была она искусным стрелком из лука, славной воительницей, одна равна тысяче! Верхом ли, в пешем ли строю – с оружием в руках не страшилась она ни демонов, ни богов, отважно скакала на самом резвом коне, спускалась в любую пропасть, а когда начиналась битва, надевала тяжелый боевой панцирь, опоясывалась мечом, брала в руки мощный лук и вступала в бой в числе первых, как самый храбрый, доблестный воин! Не раз гремела слава о ее подвигах, никто не мог сравниться с нею в отваге. Вот и на сей раз – многие обратились в бегство или пали в бою. Томоэ же уцелела» [3, с. 393].

Есть ли различия в этих образах и насколько такие различия существенны? Как представляется автору данной статьи, основным различием в описании самих героинь является указание происхождения их выдающейся воинской силы. У Брюнхильды она имеет сверхъестественное происхождение – сила пропадает, когда Гунтер лишает ее девственности:

«Жене дарил он ласки, как мужу долг велит,
И та их принимала, смилив свой гнев и стыд.
На ложе сладкой неги, бледна, утомлена,
Мощь и гордыню прежнюю утратила она.

Равна по силе стала она любой из жен» [2, АVENTЮРА X].

По сравнению с Брюнхильдой, источник силы Томоэ не называется, хотя известно, что она владеет секретами боевых искусств. Отсутствие упоминания о мистическом происхождении силы Томоэ, возможно, объясняется тем, что владение оружием и умение его применить в случае необходимости было частью жизни жен самураев и женщин сословия буке. Однако женщины, как правило, не принимали участия в битвах, а оружие применяли в целях самообороны и для ритуального самоубийства «дзигаи» (или «джигаи»), которое было так же широко распространено, как и сэппуку у мужчин.

В этом смысле, в Европе, как и в Японии, несмотря на отдельные прецеденты, явление жен-

щин-воительниц не имело массового характера. Тем любопытнее, что даже в тексте «Песни о Нибелунгах» неистовая воительница – это отнюдь не местная бургундка, но экзотическая королева, независимая правительница полусказочной заморской страны Исландии. Эта деталь может быть связана с тем, что саги о девах-воительницах часто встречаются в средневековой исландской литературе, о чем, вероятно, знали средневековые германцы и автор «Песни». Об этом явлении в исландской литературе пишет И. Г. Матюшина: «Если в других литературных традициях эпизодически встречаются образы строптивых принцесс, укрощаемых женихами, то в исландской словесности возникает особая разновидность жанра рыцарской саги – рассказы о единовластных правительницах своих стран, вообще не желающих слышать о браке, ибо замужество грозит им ослаблением власти и утратой социального статуса. Они не только категорически отказывают женихам, но и подвергают их словесным и физическим унижениям. В рыцарских сагах для героинь таких рассказов существует специальное обозначение – *meykongr* «дева-правительница», сами же они знаменательно именуют себя „королем“ (*kongr*), но не „королевой“ (*drytning*)» [4]. В «Песни о Нибелунгах» мы видим идеально совпадающий с этим описанием образ девы-правительницы («*meykongr*», как их называли в сагах), отвергающей всех женихов до тех пор, пока ее не завоевывает самый блестящий.

Убедительных гипотез об истоках такого женского образа мы найти не смогли. Ряд авторов, пишущих в научно-популярном жанре на тему истоков явления женщин-воинов (Олег Ивик [5], Оскар Ратти и Адель Вестбрук [6]), приходят к ошибочному, на взгляд автора, мнению о существовании матриархата и доминирующего положения женщин в обществах, в чьих культурах встречается данный женский образ. Этот тезис они обычно подкрепляют существованием культа какого-либо женского божества и весьма вольным толкованием археологических находок. В данных работах исследуется как феномен женщин-воинов, так и образы женщин-воинов в литературных произведениях.

Рассмотрим наиболее близкую к академическому жанру работу из подобных работ – «Секреты самураев» (1973 г.) О. Ратти и А. Вестбрук. Авторы пишут, что «древние саги, археологические открытия и неустанный труд антропологов, однако, представляют доказательства повсеместного участия женщин в клановой и племенной жизни». Это служит в качестве аргумента о «доминирующей роли женщин в истории и управлении кланами у большинства древних культур» [6, с. 126]. Также исследователи находят подтверждение доминирующей

роли женщины в Японии «в национальной мифологии, которая традиционно подчеркивает превосходство Аматерасу» [6, с. 127]. Однако, на взгляд автора, наличие верховного женского божества едва ли может считаться действительным подтверждением доминирующего положения женщины в обществе. Зато подтверждением обратного можно назвать то, что японские женщины вплоть до XIII в. не обладали правом наследования, их подчиненное положение по отношению к мужчинам отчетливо видно в древней и средневековой литературе, поэтому о равенстве полов (не говоря уже о женском доминировании) не могло быть и речи. В средневековой Японии, как и во многих других средневековых государствах, у женщины было совсем немного социальных ролей. Так, в «Повести о доме Тайра» можно увидеть женщин, служивших для увеселения мужчин (исполнительницы музыки, певицы, танцовщицы, фаворитки), женщин для продолжения рода (жены и знатные невесты, которых сватали еще в детстве) и монахинь (которыми по разным причинам могли стать и те и другие). В качестве исключения показан тип женщины-воина, но даже она не могла претендовать на равное с мужчинами положение, ведь они в первую очередь являлись женами или наложницами, оставались ими в любой ситуации и подчинялись своим мужчинам. Так поступает и Томоэ, героиня «Повести о доме Тайра», когда сражается бок о бок со своим господином Ёсинакой Минамото: «И вот осталось их всего пятеро – господин и четверо вассалов. Томоэ была в числе уцелевших. И сказал тут господин Кисо:

– Ты – женщина, беги же прочь отсюда, беги скорей куда глаза глядят! А я намерен нынче пасть в бою. Но если будет грозить мне плен, я сам покончу с жизнью и не хочу, чтоб люди смеялись надо мной: мол, Ёсинака в последний бой тащил с собою бабу! – так говорил он, а Томоэ все не решалась покинуть Ёсинаку, но он был непреклонен. “О, если бы мне встретился сейчас какой-нибудь достойный противник! – подумала Томоэ. – Пусть господин в последний раз увидел бы, как я умею биться!” – и, с этой мыслью остановив коня, стала она поджидать врагов. В это время внезапно появился прославленный силач Моросигэ Онда, уроженец земли Мусаси, и с ним дружина из тридцати вассалов. Томоэ на скаку вклинилась в их ряды, поравняла коня с конем Онда, крепко накрепко с ним схватилась, стащила с коня, намертво прижала к передней луке своего седла, единым махом срубилась голову и швырнула ее на землю. Потом сбросила боевые доспехи и пустила коня на восток» [3, с. 395].

В гендерных отношениях можно увидеть центральное различие Томоэ и Брюнхильды: силь-

нейшая из женщин та, что не боится «ни демонов, ни богов», Томоз беспрекословно подчиняется своему мужчине, тогда как Брюнхильда же сопротивляется Гунтеру и после того, как он одолел ее в состязаниях, и даже после того, как он уже женился на ней. Это сопоставление позволяет увидеть различие, а именно большую степень относительной свободы женщин европейского Средневековья по сравнению с японскими представительницами так называемого слабого пола. Дополнительным подтверждением тезиса об относительной свободе европейек может являться тот факт, что на момент создания «Песни» женщины в Европе уже обладали правами «управлять владениями мужа в его отсутствие» и «приносить ленную присягу» [7, с. 92]. Конечно, имеются в виду как законы, социальные нормы и рамки поведения женщин, так и их собственные ментальные установки. Более того, в этом случае гендерный анализ может служить экспертизой или подтверждением анализа всего спектра социальных отношений в обществе: различия в степени подчинения норме гендерного поведения могут говорить о различиях в степени подчинения индивида социальным нормам и власти (так называемой «авторитарной норме»). На основании отмеченных выше различий можно предположить, что авторитарная норма японского средневекового общества была более жесткой, индивид был неотделимой частью социума и был очень крепко внутренне, ментально привязан к установкам своей социальной группы, сословия и государства. Томоз, при всей своей оторванности от стандартных женских занятий, тем не менее, следует нормам женского поведения в отношении своего мужчины и не допускает даже мысли обслушании. Иная ситуация наблюдается в европейском обществе, которое легче допускало, с одной стороны, отклонения от традиционной нормы, а с другой стороны, питало большее уважение к индивиду.

Но как же тогда рассматривать явление женщин-воительниц, если не как следствие матриархата? Во-первых, и в Японии, и в Европе действительно существовали прецеденты реальных женщин-воинов. Так, например, в «Истории датчан» Саксона Грамматика встречается рассказ о норвежских женах, переодевшихся в мужчин, сражавшихся в битве против шведских захватчиков [8]. Женщины, выступающие в столь нестандартном для них качестве, не могли остаться незамеченными. Вполне вероятно, что они и послужили примером для мифологизации образа женщины-воина. Во-вторых, поскольку подобные мотивы содержатся в мифах, легендах, сказках у многих народов, то это позволяет рассматривать их в качестве архетипа. Можно лишь попытаться представить некоторые

возможные варианты возникновения подобного архетипа. В качестве одного из вариантов можно предположить, что возникнуть этот архетип мог на универсальной для любого народа основе – различии полов и их взаимодействии. Истоки возникновения подобного архетипа могут лежать в осознании самого полового различия, в восприятии женщины как чего-то иного, непонятого, чуждого, а также в понимании влияния женщины на мужчину, его желания и поступки, порождающие на подсознательном уровне страх перед женщиной. Вспомним прорицательниц Тацита, скандинавских валькирий, индийских апсар, наконец, более поздний феномен ведьм, которые, как правило, были женского рода. О страхе перед женщиной писал еще З. Фрейд в своих «Очерках по психологии сексуальности»: «Где примитивный человек установил табу, там он боится опасности, и нельзя отрицать, что во всех этих предписаниях избегать женщины выражается принципиальная перед ней боязнь. Может быть, эта боязнь объясняется тем, что женщина иная, не такая, как мужчина, всегда непонятна и таинственна, чужда и потому враждебна. Мужчина боится быть ослабленным женщиной, заразиться ее женственностью и оказаться поэтому неспособным. <...> Во всем этом нет ничего такого, что устарело бы, что не продолжало бы жить и среди нас» [9]. О страхе перед женщиной подробно пишет и Карен Хорни в одноименной главе в книге «Женская психология» [10]. О своих страхах, связанных с женщинами, говорят и сами персонажи эпоса. Так, Зигфрид говорит о своем страхе утраты власти и контроля над женщинами:

«Увы! – храбрец подумал. – Пропали все мужья,
Коль здесь от рук девицы погибну нынче я:
Как только разнесется везде об этом весть,
Забудут жены, что на них управа в доме есть»
[2, Аventura X].

Так, Ёсинака боится позора из-за ореола женственности, который может сопровождать его в момент гибели: «Ты – женщина, беги же прочь отсюда, беги скорей куда глаза глядят! А я намерен нынче пасть в бою. Но если будет грозить мне плен, я сам покончу с жизнью и не хочу, чтоб люди смеялись надо мной: мол, Ёсинака в последний бой тащил с собою бабу!» [3, с. 395]. Сама по себе версия происхождения архетипа женщины-воина от страха перед женщиной вызывает определенные сомнения, хотя бы потому, что страх мужчины перед женщиной в Европе актуализируется лишь в городской среде ближе к XVI в. Однако она, может быть, интересна при рассмотрении властных позиций мужчины по отношению к женщине в обществе, то есть в виде боязни мужчины потерять контроль.

Иную версию возникновения архетипа женщины-воина можно найти в исследовании «Архаиче-

ские мифы Востока и Запада» И. М. Дьяконова. Анализируя распространенные в целом ряде культур образы богинь-воительниц, он находит их истоки в социальной группе женщин, сопровождающих воинов в их боевых походах. Повергшись мифологизации, их образы обусловлены историческим контекстом обществ, живущих войной: девы-воительницы «побуждают героев к битве и затем избирают павших славной смертью» (валькирии, индийские апсары, ирландские сестры Морриган и т. п.) [11].

Итак, рассмотрев образы женщин-воинов средневековых героических эпосов «Повести о доме Тайра» и «Песни о Нибелунгах», можно выделить основные различия данных образов, которые, в свою очередь, свидетельствуют о гендерных нормах, ментальных установках и рамках поведения женщин в изучаемых обществах. Выявленные различия в степени подчинения норме гендерного поведения говорят о собственно различиях в степени подчинения индивида социальным нормам и авто-

ритету. Сравнение выявляет относительную свободу женщин европейского Средневековья, по сравнению с японскими. В связи с этим было сделано предположение о наличии более строгой авторитарной ментальности в японском средневековом обществе. Как часть комплексного сравнительно-исторического анализа культур воинских сословий Японии и Германии, сравнение образов женщин-воинов подкрепляет предположение о том, что в средневековой Японии индивид был неотделимой частью социума и был очень крепко внутренне, ментально привязан к установкам своей социальной группы, сословия и государства. Источниковый материал демонстрирует, что даже женщина-воин в японской литературе при всей не типичности своего занятия, тем не менее, следует общим нормам женского поведения в отношении своего мужчины. Европейское же общество легче допускало отклонения от традиционной нормы и питало большее уважение к индивиду.

Список литературы

1. Серкова О. А. Сравнительно-исторический анализ средневековых героических эпосов. Литературные особенности текстов «Повести о доме Тайра» и «Песни о Нибелунгах» // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2012. Вып. 9. С. 173–177.
2. «Песнь о Нибелунгах» / пер. со средневерхнемецкого и прим. Ю. Б. Корнеева. URL: <http://www.fbit.ru/free/myth/texty/pnibelun/home.htm>, свободный (дата обращения: 12.11.2006).
3. Повесть о доме Тайра: эпос (XIII в.) / пер. со старояп. И. Львовой; предисл. и коммент. И. Львовой; стихи в пер. А. Долина. М.: Худож. лит., 1982. 703 с.
4. Матюшина И. Г. О жанровой эволюции рыцарской саги // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г. Восточная и Северная Европа в Средневековье / отв. ред. Г. В. Глазырина. М.: Восточная литература, 2001. 472 с. URL: http://dgvе.csu.ru/bibl/DGVE_1999.shtml, свободный (дата обращения: 29.05.2011). URL: http://norse.ulver.com/articles/matyushina/evolution.html#_ftnref27, свободный (дата обращения: 15.04.2011).
5. Ивик О. Женщины-воины: от амазонок до куноити. М.: ЛомоносовЪ, 2011. 211 с.
6. Ратти О., Вестбрук А. Секреты самураев. Боевые искусства феодальной Японии / пер. А. К. Курчакова. Ростов н/Д: Феникс, 2000. 544 с.
7. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: исслед. по истории морали / общ. ред. А. А. Гусейнова; вступ. ст. А. А. Гусейнова, К. А. Шварцман; пер. с польск. К. В. Душенко. М.: Прогресс, 1987. 528 с.
8. Chadwick N. K. Porgerðr Hölgabrúðr and the trolla ping: a note on sources // The Early Cultures of North-West Europe (H. M. Chadwick Memorial Studies). Edited by Sir Cyril Fox and Bruce Dickins. Cambridge, 1950. P. 395–418.
9. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. Минск: Попурри, 1997. 480 с. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Fr_O/07.php, свободный (дата обращения: 15.05.2011).
10. Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточно-Европейский ин-т психоанализа, 1993. 224 с.
11. Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада. М.: Наука, 1990. 246 с. URL: <http://annals.xlegio.ru/other/djakonov/amvz03.htm>, свободный (дата обращения: 21.04.2011).

Серкова О. А., старший преподаватель.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: serkova-olga@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 17.03.2015.

О. А. Serkova

COMPARATIVE STUDY OF IMAGES OF WOMEN WARRIORS IN THE MEDIEVAL HEROIC EPICS OF GERMANY AND JAPAN

The article presents a brief comparative study of the images of woman warrior. The author investigates images appearing in medieval works, “The Song of the Nibelungs” and “The Tale of the Heike”. The various versions of the emergence of the image of the women warrior are also discussed. The paper contains a description of the investigated

sources and justification for their choice for this topic. Similarities and differences of the images are identified; there also is an attempt to determine the causes of observed similarities and differences and to analyze them. An attempt is made to consider the image of a woman warrior on the cultural-historical, psychological, gender and social side.

Key words: comparative analysis, medieval literature, heroic epic, woman warrior, Japan, Germany.

References

1. Serkova O. A. Sravnitel'no-istoricheskiy analiz srednevekovykh epopey. Literaturnye osobennosti tekstov "Povesty o dome Taira" i "Pesni o Nibelungakh" [A comparative study of the medieval heroic epic. Features of "The Song of the Nibelungs" and "The Tale of the Heike"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2012, vol. 9, pp. 173–177 (in Russian).
2. *Pesn' o Nibelungakh* [The Song of the Nibelungs]. Translation from Middle High German and notes by Korneev Y. B. URL: <http://www.fbit.ru/free/myth/texty/pnibelun/home.htm>, free access (accessed 12.11.2006) (in Russian).
3. *Povest' o dome Taira: epos (XIII v.); per. so staroyap I. Lvovoy; predisloviye i comment. I. Lvovoy; stikhi v per. A. Dolina*. [The Tale of the Heike: epos (XIII); transl. from old-Japanese by Lvova I.; foreword and comments by Lvova I., poems translated by Dolin A.]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1982. 703 p. (in Russian).
4. Matushina I. G. O zhanrovoy evolutsii rytsarskoy sagi [About the evolution of the genre of chivalric saga]. *Drevneyshiy gosudarstva Vostochnoy Evropy. 1999 g. Vostochnaya i Severnaya Evropa v Srednevekovye*. Ed. G. V. Glazyrin. The ancient states of Eastern Europe. 1999 Eastern and Northern Europe in the Middle Ages. Resp. Ed. GV Glazyrina. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001. 472 p. URL: http://dgve.csu.ru/bibl/DGVE_1999.shtml, free access (accessed: 29.05.2011) (in Russian). URL: http://norse.ulver.com/articles/matyushina/evolution.html#_ftnref27, free access (accessed 15.04.2011).
5. Ivik O. *Zhenshchiny-voiny: ot amazonok do kunoity* [Women warriors: from the Amazon till Kunoichi]. Moscow, Lomonosov Publ., 2011. 211 p. (in Russian).
6. Ratti O., Westbrook A. *Sekrety samuraev. Boevye iskusstva feodal'noy Yaponii*, per. Kurchakova A.K. [Secrets of the Samurai: The Martial Arts of Feudal Japan. Transl. by AK Kurchakov]. Rostov on Don, Phoenix Publ., 2000. 544 p. (in Russian).
7. Ossovskaya M. *Rytsar' i burzhua: issled. po istorii morali* [Knight and the bourgeoisie: a study on the history of morals]. Moscow, Progress Publ., 1987. 528 p. (in Russian).
8. Chadwick N. K. *Porgerðr Hölgabrúðr and the trolla ping: a note on sources. The Early Cultures of North-West Europe* (H. M. Chadwick Memorial Studies). Edited by Sir Cyril Fox and Bruce Dickins. Cambridge, 1950. Pp. 395–418.
9. Freud S. *Ocherky po psikhologii seksual'nosti* [Three Essays on the Theory of Sexuality]. Minsk, Poppury Publ., 1997. 480 p. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Fr_O/07.php, free access (accessed 15.05.2011) (in Russian).
10. Horney K. *Zhenskaya psikhologiya* [Feminine Psychology]. St. Petersburg, Vostochno-Evropeyskiy institut psikhoanaliza Publ., 1993. 224 p. (in Russian).
11. Dyakonov I. M. *Arkhaicheskiye mify Vostoka i Zapada* [Archaic myths of East and West]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 246 p. URL: <http://annals.xlegio.ru/other/djakonov/amvz03.htm>, free access (accessed 21.04.2011) (in Russian).

Serkova O. A.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: serkova-olga@yandex.ru